

Т.А. Ганжало

Воспоминания о Георгии Николаевиче Антонове

Мой отец был военным пограничником. Они с мамой защищали блокадный Ленинград. После войны отца отправили служить на границу с Афганистаном, где тогда было очень беспокойно. Мы с мамой поехали с ним, но раз в год мы приезжали в родной Ленинград в отпуск. Мне было пять лет, когда меня впервые привели в Эрмитаж. Увиденные картины меня потрясли, и я твердо решила стать художником. Но в Средней Азии учиться было негде, там не было даже кружков. Когда отца комиссовали, и мы вернулись в Ленинград, мне было уже 12 лет. Я не оставила свою мечту и искала возможности учиться рисовать. Судьба послала мне хорошего человека, Леонида Иосифовича Зингера — учителя рисования. Он вел кружок другой школе, и я бегала туда заниматься. Леонид Иосифович обратил на меня внимание и однажды привел меня к своей бывшей учительнице — Рязанской Деборе Иосифовне, которая преподавала тогда в Городской художественной школе. Она взялась подготовить меня к вступительным экзаменам. Три месяца она занималась со мной по выходным, а затем взяла меня с собой на пленэр, где я познакомилась и подружилась с ее учениками.

Конкурс в художественную школу был очень большой, ведь она была единственной в городе. Школа тогда находилась на Таврической улице. Осенью 1958 года я сдала экзамены, и вот настал день, когда зачитывали списки поступивших и распределяли их по группам. Я очень хотела попасть к Деборе Иосифовне, у которой, оказывается, в тот год не было набора. Зачитывали группу за группой, а меня все не называли. Я готова была расплакаться. Но вот стали зачитывать последнюю четвертую группу и я услышала свою фамилию. Я так переволновалась, что сил радоваться уже не было. Назвали и педагога — Антонов Георгий Николаевич. Когда завуч школы Василий Сергеевич Гусев его нам представил, мне он совсем не понравился. Тогда я еще не могла представить, что «вытащила счастливый билет». После первого занятия Георгий Николаевич не понравился мне еще больше. По сравнению с мягкой и доброй Деборой Иосифовной, он казался резким, грубоватым и каким-то «не в себе». Надо сказать, что он никогда не сюсюкал с учениками, обращался с нами, как со взрослыми (хотя нам было по 13-14 лет). Мы это чувствовали и пытались соответствовать. Он объяснял задание коротко, ничего лишнего. Никогда не делал работу за ученика. Если надо было что-то поправить, он говорил: «эту точку надо перенести вот сюда» (ткнет пальцем), «ну, и все остальное». Иными словами, все нужно было переделывать. Он говорил нам: «Научиться можно только на своем собственном опыте, и никак иначе. Другого способа нет».

Моя первая оценка за осенние листики была 3-. Я никак такого не ожидала, ведь я так старалась. В перерыве я посмотрела, какие оценки были у других ребят. Оказалось, что у меня самая высокая оценка. У остальных были двойки, двойки с минусом и единицы. Я до сих пор храню эту работу стройкой.

Эскизы к композициям мы делали дома и на занятия приносили и показывали Георгию Николаевичу. Он безошибочно определял, кто срисовывали откуда. Мы только удивлялись, как это он все помнит и все знает. Кто-то ленился, не делал задания и врал в свое оправдание, блеял что-то несуразное. Георгий Николаевич говорил «Пе-пе-ме-пе-пе. Я вижу тебя насквозь и еще на три метра в глубину». После такого заявления наши лодыри чувствовали себя очень неловко. Не хотелось его огорчать. Похвала Георгия Николаевича дорогого стоила. Он хвалил редко, но по

делу. Авансов не раздавал, оценок никогда не завышал. Мы понимали, что это справедливо, и никто на него не обижался. Иногда он предлагал поставить себе оценки самим, и мы подходили к себе очень требовательно и самокритично.

Постепенно мы привыкли к его неординарному поведению, своеобразному юмору, мы чувствовали, что он нас любит, и отвечали ему искренней привязанностью и обожанием.

Георгий Николаевич был для нас непререкаемым авторитетом, мы готовы были идти за ним в огонь и в воду, если надо.

Сейчас, уже с позиции педагога с многолетним стажем, я понимаю, что этот человек обладал феноменальным артистизмом. Даже то, как он входил в аудиторию, сразу приковывало к нему внимание учеников. Поднял указательный палец — все замолкли, все внимание на педагога. Если бы Георгий Николаевич был артистом — это был бы выдающийся артист. Он был замечательным рассказчиком. Мы любили слушать, как он рассказывал о войне, в которой он участвовал (служил в артиллерии), о животных, о насекомых обо всем на свете. Он остро чувствовал характеры людей и, рассказывая о них, проигрывал эти роли. Как здорово это было!

Мне посчастливилось общаться с Георгием Николаевичем многие годы. Мы с моим мужем были его учениками, он нас любил, ну и мы его тоже безгранично любили и уважали. После окончания училища им. В. Серова (сейчас - им. Н. Рериха) в 1968 году, Георгий Николаевич сразу пригласил меня работать в Городскую художественную школу. Поскольку у меня уже было распределение на работу главным художником Красносельского торгового центра, я стала работать в художественной школе по совместительству. Когда срок распределения закончился, я перешла в Городскую художественную школу на постоянную работу и стала коллегой и заместителем Георгия Николаевича по учебной работе. И опять мне посчастливилось работать под его руководством. Мы виделись каждый день, и даже праздники наши семьи отмечали вместе. Мы были хорошо знакомы с его мамой Марией Васильевной, его няней Матреной Ивановной, братом Виктором Николаевичем, племянником Колей и невесткой Ниной.

Георгий Николаевич собрал в школе очень сильный педагогический коллектив. Работать в Городской художественной школе было большой честью. Случайных людей у нас не было. Георгий Николаевич был действительно руководителем школы, а не формальным руководителем. Он направлял нас, разбирал с нами ошибки, промахи, недостатки постановок, хвалил за успехи и находки. Он всегда имел свое мнение, и это было мнение эксперта, мастера своего педагогического дела. Георгий Николаевич до тонкостей знал свою работу и отдавался ей полностью. Я удивляюсь, что он еще успевал заниматься живописью, ведь целые дни он проводил в школе, оставаясь до позднего вечера. Даже питался он, как попало, мог за целый день съесть только одну французскую булку, отщипывая ее по кусочку..

В течение 23 лет (с 1968 по 1991 год) я бок о бок работала с этим замечательным человеком, он умел создать удивительную, теплую дружескую и творческую атмосферу. Я думала, что так будет всегда. Мы, педагоги, всегда ощущали его поддержку. Всякие бывали ситуации, но мы знали, что наш директор уважает и ценит нас, всегда будет отстаивать наши интересы и интересы школы. Он не боялся брать на себя ответственность, поступал честно и по совести.

Когда главный редактор журнала «Юный художник» на всесоюзном семинаре предложил мне написать методическую статью в журнал, Георгий Николаевич с восторгом поддержал эту идею. Потом мне предложили участвовать во всесоюзном конкурсе на лучшую программу по живописи, и опять Георгий Николаевич убедил меня побороться с лучшими педагогами России.

Уважаемое жюри конкурса признало мою программу лучшей и ее стали печатать в журнале «Юный художник». Каждому новому журналу со статьей Георгий Николаевич радовался, как ребенок, трепал меня по плечу и тряс руку. Это, пожалуй, был единственный человек, который был искренне рад. Ведь я писала не о себе, а о школе, обобщая ее методический опыт. О Городской художественной школе узнала вся Россия. Мы получили прекрасные отзывы от коллег по работе со всех концов страны. Спустя много лет я узнала, что по этой программе работали многие школы в России и педагоги

дают ей высокую оценку. Читатели просили журнал напечатать еще статьи по разным вопросам художественного воспитания. С благословления Георгия Николаевича в журнал «Юный художник» мною было написано 22 статьи, проиллюстрированных работами учеников. Таким образом, мы отстаивали честь школы и Петербурга, как культурной столицы. Ведь тогда считалось, что все самое лучшее и передовое может быть только в Москве.

За 23 года работы с Георгием Николаевичем много было разного в школе. Перебирая старые фондовские работы, вспоминаю тот период, когда они были сделаны, бывших учеников, бывших «звезд». Теперь я преподаю уже 49-й год, но с удовольствием вспоминаю те замечательные годы, когда мы работали под началом Георгия Николаевича, работали окрыленные, на творческом подъеме, на работу летели, настроение было приподнятым, время летело незаметно. Обо всем, что было, можно было бы написать целую книгу.

Но больше всего мне хочется рассказать о лете 1967 года, когда мы с моим (еще тогда будущим) мужем Николаем Николаевичем Ганжало и Георгием Николаевичем договорились поехать куда-нибудь вместе. Выбрали глухую деревушку на реке Луга. Сначала поехали туда мы с Николаем и моя мама. От станции Толмачево на катере плыли по Луге 6 часов. Приплыли к деревне Старицы, прошли все дома, но комнату никто не сдавал. Уже в самом последнем доме у самого леса нам все-таки удалось снять комнатку. Мы очень обрадовались и сразу дали телеграмму Георгию Николаевичу, чтобы он поскорее приезжал. Места там дивные, дачников мало, богатое разнотравье, столько цветов лесных и полевых в ближайших пригородах уже не было. Мы с Колей ходили на пристань встречать каждый катер, но Георгий Николаевич не торопился. Наконец, дней через десять, среди прибывших мы заметили знакомую шляпу, вскочили и помчались встречать нашего учителя и друга. Он приехал налегке, из рюкзака торчали два спиннинга, один из них японский. Мы поняли — будет рыбалка. Отойдя от тропинки несколько шагов, Георгий Николаевич растянулся на траве, вдыхая запах клевера. На лице его было полное блаженство. Мы легли рядом и все уставились в небо. Над нами склонялись колокольчики и ромашки. Мы наслаждались высоким небом, бегущими прозрачными облачками и ласковым солнышком. Как немного надо для счастья! Быть рядом с другом и наслаждаться природой.

Я помню, что Георгий Николаевич был абсолютно счастлив и находился в прекрасном расположении духа. Он обрадовался, когда мыс Колей набили наматрасник свежим душистым сеном. У хозяйки была лошадь, на которой она возила свежий хлеб в сельский магазин. Сено было такое душистое, что приходилось ночью открывать окно, чтобы не болела голова. Георгий Николаевич с Колей спали на полу, а мы с мамой на кровати. Мои две собаки спали с мужчинами. Рыжая лайка Лада облюбовала себе место рядом с Георгием Николаевичем и не пускала туда свою мать Гульку. Удивительно, но и мои собаки очень полюбили Георгия Николаевича. Он прекрасно относился к животным, угощал лошадь хлебом и сахаром, а мои собаки постоянно требовали от него внимания. Георгий Николаевич рассказывал, что его отец держал охотничьих собак (отец Г.Н. был профессором энтомологии).

Какое было замечательное время! Мы целыми днями были с любимым учителем. Бродили по лесу, собирали грибы и ягоды. Было очень много земляники, мы ели ее горстями. Наберем Георгию Николаевичу пригоршню, а он не ест, глубоко вдыхает аромат. Руки потом долго пахли земляникой. Потом моя мама жарила нам наши грибы с картошкой на большой хозяйской сковороде. Мы садились вокруг сковородки и, вооружившись вилками, наслаждались деликатесом. В каждой банке у нас стояли лесные и полевые цветы, мы жили, как в раю. И, конечно, мы ходили рисовать вместе. Лето выдалось хорошее, сухое, дождей было мало. Мы рисовали до тех пор, пока не темнело окончательно. Домой возвращались в полной тьме. Но Георгий Николаевич был «совой»,

он не мог уснуть до 3-4-х часов ночи. Мы сидели на скамейке, разговаривали, слушали рассказы Георгия Николаевича и рассказывали сами. Иногда с нами сидела моя мама, рассказывала про свою нелегкую жизнь с мачехой, про войну, про блокаду. Георгий Николаевич рассказывал нам о Грузии, о своей матери (она была врачом — рентгенологом), о своей семье. Иногда мы негромко пели «Гори-гори моя звезда», глядя в звездное небо. Георгий Николаевич очень любил песню «Русское поле», мы с Колей ее пели, а он подпевал, потому, что не все слова знал наизусть. У Георгия Николаевича был прекрасный музыкальный слухи музыкальная память. Он любил Шопена, Рахманинова, Баха, Вивальди. А из эстрады того времени — Анну Герман, Песняров и Карела Готта. У нас там не было даже радио. А у меня был обширный репертуар, я развлекала их пением.

По субботам хозяйка топила баньку. Сначала, пока было не очень жарко, шел Георгий Николаевич, потом Коля, а потом мы с мамой. Намывшись, мы садились пить чай с малиной и земляникой.

Вечерами мы сидели очень долго, поэтому вставали часов в 10. Моя мама вставала раньше, а Георгию Николаевичу мы давали выспаться до 12 часов. Мы вставали и тихонько выходили во двор. Пили молоко со свежим очень вкусным хлебом и шли писать этюды. А мама варила на всех кашу на керосинке. К 12 часам все было готово к завтраку. Георгий Николаевич выходил из комнаты, торжественно объявлял: «Выходная ария Тосилло», и направлялся в ближайший лесок.

Мы не ошиблись в надежде поесть рыбы, ведь Луга была рядом, и спиннинги только и ждали своего момента. Мы ходили на рыбалку. Георгий Николаевич забрасывал блесну, тянул, ждал, опять забрасывал. Мы еще ничего не видели, а он уже чувствовал по леске — есть! Маленьких и меньше среднего рыбешек Георгий Николаевич бросал обратно в воду. Но однажды вечером блесну ухватило нечто огромное. Георгий Николаевич едва устоял на ногах, мы с Колей подбежали к нему и стали его держать. «Она ушла под берег» - сказал он, и стал, как струну дергать леску. «Она не любит, когда так делают и сейчас выплывет» - пояснил наш учитель. В других глубины выплыло огромное чудовище — морда лопатой, маленькие злые глазки. Георгий Николаевич попросил Колю принести палку и оглушить щуку. Коля побежал к ракитнику, сломал дубину и приготовился оглушить щуку. А она то всплывала, то опускалась под воду. Мы ждали подходящего момента, а я переживала, что вот еще 15-20 минут — солнце сядет и станет Совсем темно. Наконец, щука всплыла, Коля, изловчившись, оглушил ее, и мужчины вытащили ее на берег. Щука была огромной, почти в мой рост. Я сделала несколько снимков, но света было уже совсем мало. Когда мы шли через деревню с нашим замечательным уловом, люди выскакивали из домов, подбегали к нам, удивлялись, кричали и звали соседей посмотреть на щуку. Георгий Николаевич по праву чувствовал себя героем. Позже, когда мы приходили в магазин, очередь вежливо расступалась и люди предлагали Георгию Николаевичу взять, что ему нужно без очереди. Это было очень приятно.

Щука оказалось не вкусной, но мы ее все равно съели. Георгий Николаевич собирал коллекцию челюстей рыб, которых он поймал. Мама не знала этого, а Георгий Николаевич ее не предупредил. Утром, встав раньше всех, моя мама взялась разделять щуку, чтобы сварить для нас уху. Она разрубила челюсть топором. А ведь это была самая большая рыба, которую Георгий Николаевич поймал в своей жизни! Он, конечно, расстроился, но признал, что сам виноват — нужно было предупредить. Зубы у этой щуки были больше, чем у моих собак. Когда мы рассмотрели ее пасть, выяснилось, что она представляла собой сплошные зубы и колючки, направленные внутрь. У рыб, попавших в эту пасть, не было никаких шансов. И все-таки, в этот день я сделала несколько удачных снимков. Один из них Виктор Николаевич Антонов назвал самым лучшим портретом брата. Спустя много-много лет его высекли на надгробном камне Георгия Николаевича.

Георгий Николаевич не любил фотографироваться. Дергался, отворачивался, закрывался рукой. Одним словом, умел испортить кадр. В общем, чтобы его сфотографировать, приходилось «ловить момент».

Мы целыми днями бродили вдоль реки, жгли костры (обязательно на старом кострище), брали с собой картошку, соль, огурчики. Пекли в золе картошку. Она казалось очень вкусной, особенно в такой компании. В еде Георгий Николаевич был очень неприхотлив. Когда не было грибов или улова, ел «бычков в томате» из сельского магазина. С собой он прихватил деревянную ложку и этой ложкой ел пшеничку или пшенную кашу с маслом. Ему очень нравилась экзотика деревенской жизни, ведь он редко вырывался из города. Но, вырвавшись, наслаждался общением с природой с огромным удовольствием. Любил лежать на земле в луговых травах, бродить по воде, засучив брюки, умываться в роднике. Любил ходить босиком вдоль берега, сидеть у костра, наслаждаться запахом грибов, трав, ягод и цветов. Он очень много знал о жизни насекомых и удивительно интересно мог о них рассказывать.

В том году я перешла на пятый курс училища, а Коля — на второй (он поступил после двух лет службы в армии). Осенью 1967 года мы с Колей поженились. Георгий Николаевич был посаженным отцом со стороны жениха. На свадьбу он подарил нам альбом Филонова (тогда достать такую книгу было практически невозможно). В то время ближе и преданней друзей, чем мы, у него не было. Мы помогали ему, чем могли, когда он нуждался в поддержке и помощи. На правах друга, я могла высказать ему иногда даже неприятные вещи, если считала, что он в чем-то был не прав.

Летом 1991 года Георгия Николаевича не стало. Казалось — земля опустела. Оказалось, что незаменимые люди существуют. С ним ушла целая эпоха светлого праздника, чуда, вдохновения. Как жить дальше? Мы словно осиротели без нашего учителя. Он был нашей точкой опоры и движущей силой. Мы всегда могли рассчитывать на его дружеский добрый совет и помощь. После общения с ним вырастали крылья, хотелось работать, писать, рисовать, действовать.

За годы обучения я повидала многих педагогов, после общения, с которыми хотелось забросить кисти куда подальше. После резкой и недоброжелательной критики не хотелось работать. Позже я поняла, что такое поведение педагогов — результат их собственной беспомощности и ущербности. Ведь ругать гораздо легче, чем научить, направить, вдохновить к дальнейшей работе.

Нам, ученикам Георгия Николаевича повезло несказанно, встретить на своем пути такого редкого, мудрого и талантливого Учителя. Можно сказать, что он посвятил себя учениками коллегам. Он не был «добреньким» и «сладеньким», не стремился кому-то понравиться. Он был самим собой и знал себе цену. Мы любили его таким, какой он есть — требовательным, жестковатым, но всегда справедливыми доброжелательным.

Он умел пошутить. Его юмор был остроумным, изобретательным и всегда к месту. Эта неотъемлемая часть его характера была очень притягательной. Вспоминая Георгия Николаевича — человека редкой души, Учителя с большой буквы, понимаешь, как щедро он делился с коллегами и учениками своими мыслями, идеями, чувствами. Он добивался невероятных результатов, мог зажечь, вдохновить на необычайный творческий подъем. Смотрю на фото — обыкновенный человек. Но те, кто знал его в жизни, чувствовали его необыкновенную силу и готовы были отдать за него жизнь. Таких людей называют харизматичными. Я в своей жизни не встречала таких, как Георгий Николаевич. Это не просто харизма, это что-то большее — от Бога, поэтому он был так необычен и притягателен для всех окружающих. Он был Личностью.

А теперь я прихожу к нему на могилу, приношу цветы, сажаю рассаду, рублю ивняк и камыш, которым зарастает могила. Зажигаю лампадку и рассказываю ему о школе, о знакомых, о себе. Ведь душа его с нами. Прошу у него помощи и я знаю, что он

обязательно поможет. Ведь теперь оттуда ему все видно и он все знает кто чего стоит, кто прав и кто виноват.

На память об Учителе я взяла 4 фарфоровых тарелочки, из которых мы много раз ели у него дома. Я использую их как палитру. Начиная живопись, мысленно обращаюсь к нему, как к любимому художнику и учителю, за помощью в работе, и легкая теплая волна приподнимает и вдохновляет меня.